

Город Краков. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

Город Краков. Николай Семенович Лесков

Краковский рынок уже был полнехонек народа. Рынок здешний необыкновенно оригинален. Это не деревенская ярмарка, не губернский базар, не петербургская толкучка. Это огромная площадь, буквально залитая людьми, которые очень покойно продают и очень покойно покупают. Полиции нет; по крайней мере так называемой наружной полиции не видно. Только рослый, тонконогий австрийский гицель, с тонким длинным шестом, на конце которого приложена веревочная петля, хватает собачек. Площадь, на которой собирается краковский рынок, обставлена необыкновенно красивыми историческими зданиями. С одной стороны вы видите известный великолепный kościół panny Maryi, с другой – огромное старинное строение, называемое здесь «Sukiennicy», а за ним упраздненную ратушу города Кракова. В галереях сукенницы теперь сидят кракуски с молоком и овощами, а около ратуши помещается австрийская гауптвахта. Дамы в Кракове также носят траур, но этот траур здесь нельзя назвать сплошным: он пестрится яркими нарядами кракусов, которых бездна на базаре. Говор кругом, но крика и брани, отличающих русские торжища, нигде не слышно. Здесь, на базаре, утром я в первый раз видел настоящую польскую мазурку. Из-за угла улицы (Floryańskiej) раздались звуки шарманки, а вслед затем показался и шарманщик. Он играл на своем инструменте «мазура», а около него пар двадцать отхватывали отчаянную мазурку. Кованые каблуки кракусов звонко отбивали такт по каменной мостовой, а маленькие ножки полек в белых чулочках и краковских сапожках подлетали на воздух, едва прикасаясь к земле. Восхитительно танцуют! В несшихся за шарманщиком парах было несколько пар, составленных необыкновенно оригинально: так, я помню маленького мальчика лет 14-ти, который неистово неся с стройной, высокой девушкой в красной юбке и черном спензере. Одна ее рука была в руке мальчика, а в другой она держала корзину, из которой выглядывали красные хвостики моркови, помидоры и кочан капусты; другая пара – старая дворничиха с метлой на плече, в огромном белом чепце. Она танцует лучше всех и как-то так грациозно кидается к своему кавалеру, высокому, стройному кракусу в расшитом синем кафтане с красными выпушками, что ей все закричали: «brawo stara! brawo stara!». [1] При входе на площадь мазурка увеличилась. Несколько торговков, несколько кухарок, несколько молоденьких кракусок поставили на мостовую свои корзины, схватили за руку первого попавшегося им на глаза человека и пустились в танец. Тут со мной произошел казус. Дьявол надумил какую-то задорную черноглазую кракуску, в зеленой юбке и белом переднике, лишить меня приятного положения зрителя и сделать действующим лицом. Она схватила меня за руку и, крикнув: «Tańcz chłopcze!» [2] – вышвырнула меня в свою бешеную мазурку – меня, человека, привыкшего к самым чинным движениям на Невском проспекте! Господи! что я только вынес, проклиная мою бесцеремонную даму. Атта-Троль стал бы тут в тупик, не только я, русский человек, которого вертит краковская полька, да еще и не хочет выпустить; не хочет верить, что есть на свете люди, не умеющие танцевать мазурки. Сначала я было попробовал упираться, но задний кракус так ловко поддал меня сзади своим коленом, что я налетел на переднего танцора и уж решился прыгать. В мазурке я ничего не понимал, но русская сметка спасла меня. Мне показалось, что если я стану подражать русской пристяжной лошади, то я еще могу быть спасен и выйду целым из моего плачевного положения. Я взглянул на мою мучительницу, дернул ее за руку, загнул голову в сторону и понесся московским пристяжным скакуном, так, что задний кракус уж не догонял меня и не дал мне более ни одного стречка. Сколько кругов я прогалопировал уж – не помню, но помню, какой радостью исполнилось мое сердце, когда скачка моя прекратилась. Все пошла выпить по кружке пива в погреб между улицами Floryańskiej i Szpitalnej. У всех лбы были мокрые, и всякий вел свою даму на кружку пива. Я тоже пригласите мою даму и предложил ей две кружки; но она, однако, более одной пить не стала. «Надо, – сказала она, – днем дело делать».

В Кракове у поляков какие-то совсем иные нравы. Этого, вероятно, еще следы их прежней жизни. Я целый день проходил по городу с моим проводником в кармане. Видел много, да все без толку. В шесть часов вечера зашел в пивной погреб. Народа тьма тьмуцая. Около меня сидели два человека и говорили о политике, довольно смело, довольно дерзко для города, где есть австрийская гауптвахта. Они спросили себе полгуса, я тоже попросил гуся.

– Не хотите ли, господа, втроем взять целого гуся? – сказала служащая панна.

Город Краков. Николай Семенович Лесков Teskovniko1ai.ru

– Я не знаю этих господ, – отвечал я, – может быть, им этого не угодно.

– О! пожалуйста, пожалуйста, – отвечали ласково оба мои соседа.

С этого начался разговор. Меня не спрашивали, кто я и откуда, но я сам не хотел скрывать моей национальности. Мне всегда кажется легче, если на меня без причины косятся, нежели лгать или отмалчиваться. Но мои знакомые ни капли не скрывались.

– А! так вы русский? А мы думали, что вы поляк с Волыни.

И только, и опять старый разговор на сцену. Эти мои пивные знакомые: один директор училища, другой учитель истории. Они пригласили меня к себе; угощали токайским; потом вызвались завтра показать мне все достопримечательности Кракова.

Радушно, мило и обязательно исполнили эти два очень просвещенные человека свое гостеприимное обещание. Они мне подарили целых два дня. Водили меня преусердно всюду. Из всего мною виденного в Кракове замечательных вещей очень много. Знаменитая в польском крае библиотека, о которой я, впрочем, ничего не могу сказать, хотя и осматривал ее довольно внимательно; но, как известно, библиотеки недостаточно осматривать. Дворец прежних королей польских (Pałac Królów Polskich na Wawelu) необыкновенно красивое готическое здание, обращенное теперешним австрийским правительством, после взятия Кракова, в казармы для австрийских войск, занимающих Краков. Дворец запрещено осматривать, и у всех его входов стоят часовые. Можно видеть только дворцовую церковь и находящуюся под ней усыпальницу королей и достопримечательных людей польской истории. Церковь выше всякого описания: она очень велика; детали ее чрезвычайно соразмерны; вся она полна изящнейшими произведениями скульптуры и живописи. Смотришь на нее и не насмотришься. Особенно поразили меня целые сцены из польской истории, иссеченные из белого мрамора, и неподражаемые изваяния святых. В усыпальнице стоят королевские гробы, на которых очень много серебра, и довольно простой гроб польского героя Косцюшки. Говорят, что австрийская финансовая администрация, назад тому несколько лет, протянула было свои ручки к королевским гробам, но галицийские поляки сложились, внесли в австрийскую казну столько серебра, сколько эта казна надеялась получить, обобрав усыпальницу, и отстояли таким образом гробы своих королей. Теперь на гробах, говорят, есть клейма, положенные в знак того, что серебро гробов составляет собственность не казенную. Мне повторяли этот слух несколько человек, но я все-таки за полную достоверность факта, разумеется, не ручаюсь. В этой усыпальнице все содержится в большом порядке; везде все чисто, ни пыли, ни сырости, ни плесени. Церковные сторожа, провожающие в усыпальницу, очень почитают это место и с гордостью читают над каждым гробом заученную ими историю лежащего здесь мертвеца. Только перед Косцюшкою ничего не говорил чичероне. Он поставил на его гроб подсвечник с восковым огарком и сказал: «Это Косцюшко!» Мне кажется, что и на гробе, в ногах, написано только одно простое слово, это слово есть: «Kościuszko». Костелов римско-католических в Кракове тридцать четыре, греко-униатских один и евангелических один. Из римско-католических замечательнее всех прочих костел ратуны Maryi i św. Anny. Описывать здания вообще очень трудно, и я не буду описывать прекрасных костелов св. Девы и св. Анны. В костеле р. Maryi i św. Anny время литургии, которая отправлялась с удивительным великолепием. Служило шесть священников, и пел прекрасный хор с аккомпанементом прекрасного органа. Главный алтарь, о котором так много говорят в католических славянских землях, действительно очень хорош. На нем, необыкновенно искусною резьбою из дерева, изображено усупение Богоматери. Над резьбой этого алтаря двенадцать лет трудился краковский художник Вита Ствоша (Wita Stwosza) и окончил его в 1489 году. Пишут и говорят, что такого художественного резного изображения нет уже нигде; что это arcydzieło rzeźbiarskie.[3] Я только могу сказать, что резные фигуры этого алтаря, сделанные в натуральную величину, так живы, так осмысленно поставлены, что кажется, как будто вот, вот они переменят свое положение, и склоняющаяся к земле св. Дева упадет на руки поддерживающих ее апостолов. Еще здесь замечательны окна из цветных стекол, изображающих прозрачные фигуры святых; но всего замечательнее, по-моему, общий художественный план громадного костела, в котором ничто не давит своею громадностью. Хоры, альковы, бесчисленные арки, переходы, боковые алтари, все это в общей гармонии с целым прекрасно, изящно, восхитительно. В воскресенье здесь были страшные массы народа, и все-таки просторно, тогда как в костеле св. Анны уже тесно. В костеле ратуны Maryi i św. Anny для женщин устроены по бокам одного главного прохода к главному алтарю. Женщины сидят группами в несколько рядов, один ниже другого, до самых ступеней. Эти

Город Краков. Николай Семенович Лесков Teskovniko1ai.ru

женщины виноваты, что мои глаза не нашли фресок, которых я должен был искать под потолком. Мои грешные глаза клонились долу, и зато на доле я заметил не одних женщин: я заметил между ними также собак – настоящих, четвероногих собак, с хвостами, остриженными задочками и лохматыми ушками. Я до сих пор нигде не видал собак в церкви, и это мне случилось первый раз в краковском костеле *rappu Maryi*. Собаки некоторые спят на раскинувшихся платях своих хозяек, а остальные сидят на задних лапках и преумильно смотрят по сторонам. Краковяне, сколько я могу судить по разнообразным встречам, вовсе не спешат заявлять своего негодования к нашему племени и даже зовут нас не россиянами, а русскими или москалями. В Кракове я столкнулся с Брониславом 3–м, который около 12–ти лет служил солдатом в одном из отдаленных сибирских батальонов и освобожден только по вступлении на престол нынешнего Государя. Бронислав 3–ий с обширными сведениями и недюжинными дарованиями. Ему теперь лет под пятьдесят, он слаб и хил, беспрестанно кашляет и жалуется на мучительные боли в голове; но живые, серые глаза его горят энергией и беспредельною добротою. Он очень много знает о России вообще, и в особенности о зауральском крае и о Сибири, и с величайшей похвалой говорит о сибирском народе. У кракусов, впрочем, вообще резонно говорят о русском народе (то есть о москалях) и никогда не усиливаются выдвигать на сцену вопросы племенные и религиозные. В первом случае обыкновенно ограничиваются тем, что «москаль не немец, с ним еще можно жить; он нас не снемчит, как пруссаки Познань», а о религиозной «схисме», которою так заняты польские либералы во Львове, и совсем не думают: «это ксендзовские штуки», говорят кракусы, «нам какое дело, кто как молится». Мне кажется, что оснований краковской толеранции можно искать и в особенностях занятий краковского поляка. Поляк с Волини, Подолии или восточной Галиции – по преимуществу пан, обыватель, помещик; краковский же поляк – ремесленник, купец, торговец. У первого живут традиционные остатки какого-то католического рыцарства, польского шляхетства; у второго торговые сношения сгладили традиции аристократизма, приучили делать дела, а не споры. Кракусы, например, с ужасным соболезнованием говорят, что пруссаки «снемчили» Познань; что уж в польских семьях нередко говорят между собою по-немецки, а в рабочих классах есть люди, совсем забывшие польскую речь. «Но, – прибавляют они с болезненным вздохом, – кто же виноват этому? сами познанцы. Пруссаки, надо говорить правду, хоть враги нам, но ни в чем нас не обижают. Кроме школ наши поляки могли бы все вести там по-своему, да не ведут. Пруссаки побивают их не кулаком, не тюрьмой, как австрияки, а трудом, разумом, конкуренцией. Жаловаться и хотел бы, да не на что. Поляк так же свободен в Познани, как и пруссак, и уж немчатся они не по прусской вине. Конечно, школы не так устроены, как бы хотелось, да вы посмотрите-ка на чехов, на моравов, уж там наши покровители австрийцы шага не дают ступить, а найдите-ко онемченного чеха или чешку! Чех везде славянин; в рекруты его возьмут; десяток лет он таскает австрийский мундир, а все вернется чехом домой. В Познани же немало примеров, что поляк вернется из королевского войска и с матерью уж не хочет говорить по-польски. „Забыл, – говорит, – на службе; будем говорить по-немецки“. Вот оно, что прусская ласка-то делает! Она злее австрийского гнета вынародливает польскую Познань». Теперь, однако, и Австрия берется за эту же систему. С самого переезда австрийской границы я просто поражен наружным либерализмом габсбургского правительства. Ни во Львове, ни в Кракове полиция, кажется, ни во что не мешается: ее просто как нет. Пойте, курите, кричите, танцуйте на улицах, усаживайтесь тут же на улице у дверей погребка пить свою кружку пива – никто вам ни слова не скажет. Только на могилу Косцюшки не ходите да не демонстрируйте. На окнах выставлены карикатуры, свидетельствующие, что Австрия нимало не беспокоится об ограждении репутации своих державных соседей. Все это она позволяет забранным ею полякам, но, разумеется, таким образом рисуется своим либерализмом. Русские самые горячие издания у кракуса тоже всегда под рукой, но он ими не пользуется. Я не встретил в Кракове ни одного человека (кроме Бр. 3–го), который понимал бы нашу речь или умел читать нашу печать. О войсках наших здесь ничего не говорят; помнят только, что русские войска были здесь и стояли вместе с австрийскими. Вообще народ в Кракове мне показался очень добрым и толерантным. В нем живы все хорошие характеристические черты польского духа, кроме аристократизма и некоторой узости племенных или религиозных понятий. Тому, кто хочет добросовестно и близко познакомиться с западным славянским миром, очень полезно из клерикально-междоусобного города Львова ехать в живой, кипучий деятельностью Краков. Человеку, незнакомому с польским народом, нехорошо расставаться с поляками прямо в Львове, где напрасно сердятся на русских литераторов, что они держатся немецкого названия, употребляя, вместо слова Львов, имя Лемберг. Можно думать, что у самих львовцев-патриотов есть скрытая симпатия к этому названию. Есть такие приметы.

Город Краков. Николай Семенович Лесков Teskovnikolai.ru
Октябрь 1862 г.

Примечания

1 Браво, старая! (Польск.)

2 Танцуй, парень! (Польск.)

3 Шедевр скульптуры (Польск.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!